

Супрематизм

На окне, где зимой еле-еле растут цветы
в позах корявой ижицы и фиты,
существует своя геометрия, свой сюжет.
И подоконник блестит белизной манжет.

Так ли заточен циркуль, как в прошлый раз?
Все мы припомним не больше десятка фраз,
выражающих наши привычки, причуды, при-
знания, что тихонечко спят внутри.

Спорит лишь тот, кто не в курсе и кто неправ.
Снова царевна вливает вино в рукав.
Белый квадрат превращается в потолок
и, опрокинувшись, пятится из-под ног.

Кто-то на нем начинает чертить углем
сны, растущие лишь под прямым углом.
И эти контуры копятя про запас,
чтоб, если что, заменить одного из нас,
из пустоты зачерпнуть и плеснуть на холст
детские брови, плавник, лошадиный хвост.

Так продолжается время на фоне мест,
где посреди молока вырастает крест,
чтобы без всяких формул и амплитуд
как-то наполнить и этот пустой сосуд.

Что-то назревает, вызревает
Медленно и будто бы случайно.
Окружен библейскими зверями,
Ты идешь на кухню ставить чайник.

Голубая ванная и кухня —
Словно водопады-водоемы.
Чуткое проснувшееся ухо
Различает все движенья дома.

С глупенькой претензией на мудрость
Зеркала глядятся bestолково,
Будто их сияющая смутность
Что-то объяснить тебе готова.

Где уж объяснить стекляншкам сонным
Этот мир, прекрасный и спесивый.
Если даже книги неспособны,
Зеркала тем более бессильны.

Очередь

Мы в очереди заняли места.
Чего мы ждем — пока не знаем сами.
Но все-таки не зря и неспроста
Там, где-то впереди, гремят весами.

Мы теребим авоськи. Их нутро
Пока пустует, как рыбачьи сети.
Быть может, мы наполним их хитро
И отнесем свою добычу детям.

Мы все сутулы и утомлены,
Мы устаем от собственных событий
И узнаем друг друга со спины,
По складкам на пальто, а лиц не видим.

Мы дышим в направлении дверей,
Откуда тянет запахом наличья.
Нам хочется приблизиться скорей
И руки протянуть за той добычей.

Мы то шумим, ругаемся, то вдруг,
Задумавшись о чем-то, замолкаем.
И, стоя в ряд, смыкаемся вокруг
Самих себя. Самих себя толкаем.

Мы в очереди. Мы обречены
На вечное стоянье друг за другом.
Уличены мы и увлечены
Безжалостною этою наукой.

И раз уж встали — надобно стоять —
За хлебом ли, за зрелищем, за чудом.
Полоски на чужих пальто считать,
Подхватывать соседские простуды.

Вчера — за этим, завтра — за другим,
Потом опять — за пятым, за десятым.
Мы так или иначе все стоим
В очередях, тянущихся куда-то.

Вода

1

Рыбина уходит в глубину,
Рыбина зевает, как со сна.
И всего за несколько минут
Заживает рваная десна.

Там, на дне, все можно, все свое.
Рыбина пускает пузыри.
Хорошо Офелия поет
Из старинных песен попури.

Ей, как рыбе, сделалось тепло
Под водой, текущей в никуда.
Что еще пока не зажило,
Заживет — на то ведь и вода.

2

На старые овальные часы,
застигнутые в полдень или в полночь,
глазеет с любопытством чей-то сын.
И хочется ему прийти на помощь
часам и оживить их механизм,
пошевелив заржавленные стрелки,
чтоб потекли минуты, словно реки,
куда-то вниз, и вверх, и снова вниз.
Но мальчику покуда невдомек,
что дело не в часах, не в циферблате.

Течет река. В ней плещется малек.
А взрослой рыбе времени не хватит.

Оконное

Окна помнят слишком много, чтобы жить
бесконечно. И они обречены.
Сколько солнечному зайцу ни кружить,
постоянной не достичь величины.

Облупился подоконник, как яйцо.
Скорлупа и штукатурка — все одно.
К лесу задом, к мегаполису лицом.
Пахнет мхом и неслучившейся войной.

Подрастает придорожная трава —
чей-то знахарь, приворот, ингредиент.
И идет по расписанию трамвай
с гулким лязганьем булавок и монет.

Окна помнят. Окна видят. Окна ждут.
Расщепляются, как атом, раздают
эту память тем, кто жил когда-то тут,
в неосознанном непризнанном раю.

Как раздарят все до щепки, до шнурка —
тут и сказочке, как водится, конец.
Положившись на Ивана-дурака,
превратятся в кисло-сладкий леденец.

И растают в пять минут на языке,
и раскрошатся в невзрачный сахарин.
Вся ответственность теперь на дураке,
если мудрый ничего не сохранил.

Сегодня ночь здесь делает Китай,
а наша бухта щурится едва лишь.
И берега с рекой, как три кита —
по плавникам их только и узнаешь.

Но тот, что в центре, сто́ит остальных,
Он кормчий и старейшина по праву.
И левый бок его скребет тальник,
а небоскребы подступают справа.

Взгляни за борт — вода. Взгляни в бутылку
соседей-однопалубников — пиво.
Здесь без него не видно красоты,
вот все и прозревают торопливо
и смотрят на китайские огни,

пытаясь скрыть беспомощную зависть
за фразой «Мы бы тоже так могли,
когда бы хоть немного постарались».

Но что-то не срослось — ивняк, камыш,
бетонный шов, разбитые ракушки
и левый берег — темный, как и мы.
Все яркое по-прежнему снаружи.

Никто не жалуется вслух,
А лишь тайком и то без веры.
Хоть раз почувствовав испуг,
Уже не станешь Робеспьером.

Так, Гулливером в Бробдингег,
Где все солиднее и выше,
И ты — совсем не человек,
Раз даже ростиком не вышел.

Вершок от кухонной плиты,
С кастрюлькой глупое соседство.
Почти забыты, как латынь,
Язычество и диссидентство.

И даже спросишь — промолчат:
Вот, мол, живем, чего еще нам?
И только в спальнях по ночам
Мужья о чем-то шепчут женам.

Плоды

По реке проплывают плоты,
А быть может, простые плоды —
Слишком спелые, чтобы висеть,
Утонуть или броситься в сеть.

Плодоножка, зерно, кожура —
Динамит без огня и шнура.
Кувырок, поворот головы,
Минованье земли и травы.

По течению сверяя маршрут,
Пара сотен офелий плывут.
Не подобраны, не учтены.
Раз без цели — так нет и цены.

Ну вот, почти зима. Уже не дождь,
еще не снег, а так — пшено-крупя.
Но ты опять по белому идешь
и плечи поднимаешь, как скрипач.

Есть в этом что-то детское, одно
из тысячи припрятанных чудес —
там, где цветные плитки домино,
сироп от кашля, камешки в воде.

Снег пахнет как пломбир, как рафинад —
и пусть не сладкий, пусть без молока.
Предчувствуя обманчивый финал,
берешь его на кончик языка,

чтоб снова убедиться: вкуса нет,
зато весь город заново рожден.
И в каждом переулке — полуснег,
разбавленный слегка полудождем.

Каменный мяч

Видишь каменный мяч? Он сто лет пролежал на крыльце.
Кто его положил туда, умер полвека назад.
А мячу хоть бы что, он по-прежнему гладок и цел.
Белый шар — это то же почти, что и черный квадрат.

Этот мяч — заблуждение, выдумка, детский пустяк.
Кто его положил на крыльцо, лишь затеял игру,
Но она продолжается даже столетье спустя,
Наполняя объемом все плоские вещи вокруг.

Со ступеней тот шар не скатить, не подбросить в руках,
Бесполезна округлость его и немного смешна.
Но зимой даже он оставляет нас всех в дураках,
Так легко принимая обличье большого снежка.

